

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Что такое ВПР? Для родителей средних школьников — с четвертого по восьмой классы — эта аббревиатура не нуждается в расшифровке. Всероссийские проверочные работы. Есть еще страшнее — МЦКО — Московский центр качества образования, но это отдельная тема. Я, как мать двоих детей с большой разницей в возрасте — восемь лет, застала начало внедрения этих тестов и продолжаю наблюдать за их развитием.

И это было бы очень увлекательно, если бы не было так больно. У меня вопрос к составителям ВПР — у вас сердце есть? И еще — вы вообще с детьми хоть иногда сталкиваетесь? Вот я регулярно. У меня есть подруга Катя,

с детьми которой я занимаюсь русским языком. Не знаю, кому это больше нужно — мне или детям. Но, если с младшей Полиной — первоклашкой, потом второклашкой, мы все еще смеемся, играем в рифмы, пишем перьями и разноцветными чернилами, изобретаем собственный шрифт, то с пятиклассницей Алисой — все сложно. В течение года я объясняла темы, которые ей были непонятны. Все было легко, Алиса чувствует язык, быстро запоминает, при этом хочет получить хорошую оценку. Это важно. Есть дети, которые страдают синдромом отличника, а есть те, которым все равно. Моя дочь, например, может прореветь весь вечер, если получит четыре за контрольную. Алисе было достаточно как раз четверки, что уже неплохо в качестве мотивации. Так что прежде, чем начинать подготовку, поймите, чего именно хочет ваш ребенок. Какой результат его устроит.

Алиса, например, сразу заявила — сейчас пишет пробные ВПР на два, нужно на четыре. У нас есть на это три занятия. Алиса — прагматик, скептик и немного пессимист. При подготовке учитывайте и эти качества, если видите их в ребенке. Мой сын Василий, с первого класса считавшийся гением с фотографической

памятью, желал получить только максимальный балл. Его готовила к ОГЭ и ЕГЭ не я, а преподаватель русского, которая специализировалась именно на подготовке к экзаменам и при этом знала, как общаться с физиками и математиками. Там были четкие схемы, таблички и логика. Про «чувство языка» речи не шло. Но я решила, что так лучше для сына и отпустила, не вникала. Вася сдал ОГЭ на высший балл, а ЕГЭ на девяносто восемь, учитывая, что он не гуманитарий.

Дочь тоже не хотела со мной заниматься — она выучивала правила и писала правильно. Ей нравилась ее школьная учительница, понятные задания — вставить пропущенные в тексте буквы и расставить запятые — привести текст «в порядок». Она и дома пока не уберет ком-

нату не успокоится. Это ее личное качество. Но есть и другие дети. Как та же Алиса, которая очень даже хотела со мной заниматься. Алисе непременно требовалось, чтобы было интересно и позаковыристее, что ли. В течение года мы разбирали не самые простые фразеологические обороты, смеялись. Прошли заодно знаки препинания в бессоюзных сложных предложениях, потому что мою подопечную эта тема буквально завораживала. Алиса научилась «слышать» текст, чему я очень радовалась, ведь в русском языке многое зависит от интонации. Обычные правила тоже проходили, но я искала забавные примеры.

Все было хорошо, пока не началась подготовка к ВПР. Алиса вдруг начала получать двойки и тройки в школе. У нее будто начисто стерлось из памяти все, что я ей объясняла в течение года. Мне самой иногда хотелось биться головой об стол. Помимо подготовки к проверочным работам, приходилось осваивать и новые темы. И Алиса вдруг совсем поплыла. Когда она написала, что не понимает разницу между собственными и нарицательными существительными — я чуть не заплакала. Тему я объяснила ей несколько недель назад минут за десять. И Алиса сделала несколько

упражнений без единой ошибки. И вдруг — «не понимаю». Повторили, выучили снова, проверили на упражнениях. На следующий день Алиса пишет, что не понимает склонения существительных. Еще через день — правописание О и Е после шипящих и Ц.

Я догадалась, что Алиса просто в панике, все правила у нее смешались в одно. Она не помнит НИЧЕГО! И с какого момента нужно повторять, я не знаю.

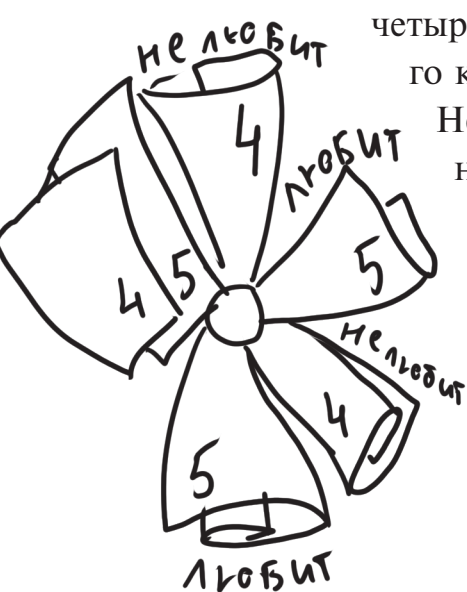

Начали повторять сначала. *Самый верный способ проверить, что знает ребенок, а что нет — написать диктант.* Полноценный. Всплывает то, что даже предположить невозможно. Грамотность проверяется не по правильно вставленным или не вставленным буквам и запятым в пропущенных местах, а в диктанте. Это мое твердое убеждение. Много раз проверяла на детях — своих и чужих. Много лет подряд. Ребенок может идеально вставлять нужные буквы по теме урока, но сделать двадцать ошибок в стандартном диктанте. Я советую все же не букочки вставлять, а писать под диктовку. Чем больше, тем лучше.

Есть учителя, которые читают рэп, чтобы дети запомнили йотированные звуки, стучат по столу при изучении падежных вопросов, танцуют, поют, рисуют... У каждого свой способ. Да, детям-визуалам проще запомнить танцующую учительницу и звуки, которые та произносит. Дети-технари в это время страдают. Они хотят видеть перед глазами табличку, а не танец с бубнами. Мой совет — учитывайте интересы, характер своего ребенка. Его индивидуальные особенности. Не надо отправлять на дополнительный русский восьмым уроком, если ребенок не хочет лишний час видеть учительницу, которая его «не любит». Кстати, все эти «любит — не любит» в школьной жизни имеют огромное значение. Биологичка поставила

четыре? Она меня не любит с пятого класса. Не пытайтесь спорить.

Не любит русичка? Да, наверняка, любит, и всем сердцем, но не может поставить четыре за пять ошибок. Объясните ребенку, что любовь и ошибки в заданиях — разные вещи. Две пропущенные запятые по-прежнему считаются одной ошибкой.

Две ошибки в одном слове — это две ошибки, а не одна, пусть и на одну орфограмму. Не стоит пытаться опровергать очевидное. Моя учительница русского в школе за две ошибки в одном слове сразу ставила трояк, потому что считала это «совершенно непозволительным».

Алиса написала ВПР на четыре, что является прекрасным результатом. Да, дорогие родители, четверка — отличный результат для подобных тестов. На пять пишут те, кто списывает или заранее покупает ответы. Дети в этих вопросах отличаются удивительной сообразительностью — находят сайты, где можно купить ответы. Сайтов огромное количество. Желających их найти не меньше. Иногда дети скидываются или доступ покупает кто-то один и делится с одноклассниками. А бывает, что и не делится. Но я всегда говорила своим детям — учителя прекрасно знают, кто пишет сам, а кто списывает. Я всегда выступала за шпаргалки — пока делаешь, запомнишь поневоле. Особенно, если шпаргалки не простые, а креативные, написанные на крошечном квадратике листочка, ластике, линейке. Надо записать главное, потому что все не поместится. А это очень ценный навык — вычленить глав-

ную мысль, записать основное правило, от которого следует отталкиваться. Но я категорически против списывания. Если честно, одни нервы и трата времени. Лучше еще раз прочитать задание и подумать.

Отличники, дети, которые действительно чувствуют и любят русский язык, ВПР пишут в лучшем случае на четверку, иногда на тройку, а иногда и с треском заваливают. Алиса — большая умница, у нее светлая голова, она схватывает на лету. Так что четверка — это нормально. Пятерка за ВПР — не говорит вообще ни о чем. Так что успокойтесь и забудьте.

Когда в средней школе учился мой сын, ВПРы и МЦКО считались проверкой не учеников, а учителей, то есть общего уровня школы. Некий срез знаний, только и всего. Как средняя температура по больнице. В общей массе написали хорошо — ну и молодцы. Оценки в журнал за них никогда не выставлялись.

Сейчас все изменилось. В разных школах по-разному, но в нашей, например, оценки за эти проверочные ставятся в журнал в тройном коэффициенте. За обычные контрольные и диктанты выставляется оценка в квадрате, а за эти — в кубе. Зачем? Не знаю. То есть если у

ребенка средний балл, допустим, был 4,67, что давало гарантированную пятерку в триместре, то после ВПР, написанной, например, на 4 и выставленной в кубе, средний балл не дает никаких шансов на пятерку. Хотя все зависит от учителя. Некоторые не выставляют, понимая, что ВПР не показатель знаний, а критерий детской усталости, следствие нервов, погоды и настроения. Для пятиклашек ВПР еще не имеет жизненно важного значения, а вот восьмиклассники — подростки, четырнадцати-пятнадцатилет, у которых и без того жизнь имеет только два цвета — черный и белый, рыдают до истерики. Для них на этом ВПР (МЦКО, диктант, тест, подставьте любой вид проверки знаний) все равно что жизнь закончилась.

— Как дела? — спрашиваю я у дочери Серафимы.

Ответов бывает обычно два — «мы все умрем» или «пока живем». И Сима еще находит в себе силы говорить об этом с юмором. Она же советует подружке Даше, которая после получения четверки пишет, что хочет выйти в окно, пока этого не делать. У Даши — синдром отличницы. Ни разу ни в одном триместре ни одной четверки и тут, после ВПРа —

все. Ерунда? Я бы тоже так подумала, если бы дочь не показала сообщение от подружки. Для нас ерунда, для них — конец жизни. Так что главный совет, который я хочу дать, — надо объяснить ребенку, что ВПР — это больно, но быстро пройдет. Что это вообще не имеет никакого отношения к реальным знаниям. Нужно подойти к работе максимально прагматично. Внимательно читать вопрос и четко на него отвечать, не пытаясь показать знания и впечатлить проверяющего учителя. ВПР — не про творчество, понимание и любовь к языку. Пишем работу, а уже потом самовыражаемся.

Я хочу рассказать в этой книге, как готовила к ВПР своих подопечных и иногда что-то подсказывала дочери. Я не учитель, не репетитор. Я мама, которая хочет сделать так, чтобы мои дети легли вовремя и выспались. Чтобы они не сидели до полуночи, бездумно глядя в демонстрационные задания, демоверсии, которые сразу же наводят тоску. Даже у меня некоторые задания вызвали оторопь и ужас — чего от меня хотят-то? А проще нельзя написать? По-русски?

Теорию русского языка я сдавала много раз — в школе, в институте, потом занималась

сама. Правила у меня от зубов отскакивают, если что. Я знаю корректорские знаки, стенографию, умею печатать вслепую десятью пальцами. В конце концов, я писатель и у меня очень требовательные редакторы. Это я так себя убеждала в том, что имею право написать подобную книгу. Потому что не филолог, не преподаватель, не профессиональный репетитор, не составитель ВПР. Я просто люблю русский язык. И мне хочется, чтобы дети, с которыми я занимаюсь, его тоже любили, а не ненавидели. Чтобы никакие проверочные, как их ни называй, не отбили у них желание учить, понимать и чувствовать родной язык. Самый красивый язык на свете. Ужасно сложный, иногда не поддающийся никакой логике, правилам... С несметным количеством исключений из этих самых правил и оттого еще более интересный и прекрасный.

Но даже не это главное. Сколько нас таких мам с детьми, которые и так завалены секциями, репетиторами по другим предметам, музыкалкой, художкой? Еще один репетитор, чтобы натаскать на ВПР? Зачем? И, главное, когда? Ночью?

Надеюсь, эта книга поможет ребенку подготовиться самостоятельно. И моя огромная бла-

годарность Кате и ее прекрасной дочери Алисе, которые разрешили проверить на себе все то, что вы прочтете дальше.

А еще я благодарна младшей сестре Алисы — Полине, которая переходит в четвертый класс. С Полиной я занималась редко, от случая к случаю, когда не проверяла домашку Алисы и не была занята тем, как объяснить ей новую тему в рекордные сроки.

Девочки были в гостях и Поля спросила:

— Маша, а ты знаешь, в какой класс я перехожу?

— Знаю, в четвертый, — ответила я.

— И что это значит? — с некоторым вызовом в голосе спросила Поля.

— Что?

— Это значит, что в следующем году ты будешь меня готовить к ВПР! — объявила Полина.

Я охнула. Полина и тесты — две разные субстанции. Она актриса, артистичная от природы, знает все правила, с выражением их читает и рассказывает, будто стоя на большой сцене. Но правила у нее никак не связаны с упражнениями, где их надо применить. Правила, с точки зрения Поли, нужны для того,

чтобы выйти к доске, прочитав громко и красиво, как стихотворение и получить пятерку. Все. Пишет Полина как ей на тот момент взбредет в голову. Обычно взбредает посмотреть в окно, задуматься, вспомнить какой-нибудь грустный стишок и заплакать. Или, наоборот, веселый и начать хохотать. А если начинает смеяться Полина, то весь класс тоже хохочет. Поля умеет заразительно смеяться.

– Полина, тебе смешинка в рот попала? — спросила однажды я.

Поля скатилась на пол. Потом изображала смешинку, которую проглотила. Еще полчаса. Так, что уже я начала хвататься за живот от колик. Полина прекрасно умеет изобразить косогору, которые считает одушевленным предметом, и косога зайца, который что-то косит косо. Это я ей объясняла омонимы.

